

АНДРЕЙ НЕБОЛЬСИН

ЗИЛ

СЛЕСАРЬ

Андрей Небольсин
ЗИЛ. Слесарь 2

«Автор»

2026

Небольсин А. А.

ЗИЛ. Слесарь 2 / А. А. Небольсин — «Автор», 2026

После пятидесяти лет, отданных родному заводу, герой выходит на пенсию. В день, когда он прощается с трудовой жизнью, его сердце останавливается. Однако смерть оказывается лишь переходом в новую реальность. Очнувшись, он обнаруживает себя в теле молодого человека. Перед ним открывается второй шанс: возможность прожить жизнь заново, с теми знаниями и опытом, которые он накопил за долгие годы. Теперь у него есть все: молодость, любимая девушка, работа на заводе и целая жизнь впереди. Но как распорядиться этим даром? Сможет ли он исправить ошибки прошлого и построить счастливое будущее?

© Небольсин А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Андрей Небольсин

ЗИЛ. Слесарь 2

Глава 1

Утро встретило меня ласковым светом, проникающим сквозь занавески. Открыв глаза, я почувствовал, как тепло солнечных лучей обнимает мое лицо. В комнате царила тишина, нарушаемая лишь пением птиц за окном. Я потянулся, ощущая прилив сил и энергии, и с улыбкой подумал о новом дне, который ждал меня впереди.

Встав с кровати, я подошел к окну и распахнул его настежь. Свежий утренний воздух наполнил комнату, принося с собой аромат цветущих деревьев и трав. Вдыхая полной грудью, я чувствовал, как бодрость и хорошее настроение наполняет меня с каждым вздохом.

Быстро собравшись и выйдя из дома, я направился к заводу. Дорога была знакомой и привычной, но сегодня она казалась мне особенно красивой. Деревья вдоль тротуара приветливо кивали своими ветвями, а множество знакомых мне прохожих, приветливо улыбались, словно разделяя со мной хорошее настроение. Наслаждаясь каждым шагом, я думал о том, что меня ждет на заводе. Работа всегда приносила мне удовлетворение, и сегодняшний день не будет исключением.

Подойдя к воротам цеха, я ощутил прилив энтузиазма. Здесь, среди работающих станков, я чувствовал себя на своем месте. Завод жил своей жизнью большого и сложного механизма, неотделимой частью которого был я. Готовый начать новый рабочий день, я вошел в цех с улыбкой на лице.

Уже на входе меня окутал знакомый шум мостового крана, и запах металла, который теперь не казался таким резким и неприятным как в начале моей карьеры.

В этот момент ко мне подошел мой друг Толик. Его лицо светилось энергией, он явно спешил поделиться важной информацией:

- Слушай, - начал он, едва успев приблизиться, - сегодня приходи к Насте на десять минут раньше, то есть в десять двадцать. Помнишь, что мы на сегодня планировали?

Я на мгновение задумался, пытаюсь вспомнить, о чем идет речь. Но как не старался, в голову ничего не приходило.

- Блин, извини, но, честно сказать не помню, - признался я.

- Как это ты не помнишь? – с явным раздражением в голосе спросил Толик, тяжело вздыхая. Его слова звучали укоризненно, словно он не мог поверить, что его друг мог забыть о таком важном моменте.

- Напомни, пожалуйста! – сказал я и отвел взгляд.

- Заведующая столовой, в которой работает моя Настя, позвонила начальнику ОРСа и рассказала, что она постоянно проводит нас туда и бесплатно кормит. А сегодня комиссия из отдела рабочего снабжения, должна прийти именно в обед, посмотреть, как мы разоряем родное производство. Настя хотела просто пропустить сегодняшний день, но ты предложил принести из дома домашнюю еду, и пусть комиссия приходит и смотрит. Сегодня Маша и Настя принесли из дома много домашних разносолов, поэтому должно получиться интересно.

- Ах, ты про это! – с облегчением воскликнул я, хлопая себя по лбу, – Конечно, это я не забыл! Ты что как я про это мог забыть? Мы вчера весь вечер готовили с Машей еду к сегодняшнему обеду. Это я не забыл, про это помню! Я думал, ты что-то серьезное имеешь в виду.

Толик закатил глаза и покачал головой, словно не веря моим словам.

- Ну, раз ты все помнишь, то может, расскажешь, что вы с Машей готовили?

Он на сто процентов был уверен, что я как всегда забыл, что у нас было запланировано в обеденный перерыв. Вложив руки в карманы, и покачивая головой, Толик ждал моего ответа.

- У нас с Машей отличный профессиональный кулинарный дуэт и мы совсем не собираемся выдавать свои тайные секреты кулинарии. А если ты будешь настаивать, то мне необходимо посоветоваться с Машей, сможем ли мы с ней поделиться с тобой рецептом, который с большим трудом и материальными затратами придумали. Ты не обижайся, но мы потратили много времени и усилий, чтобы создать эти шедевры, и пока не собираемся раскрывать все тайны.

Толик скрестив руки на груди, с улыбкой наблюдал за моей попыткой уйти от ответа. По его глазам я видел, что он совсем мне не верит, и сейчас играет в полицейского, точнее в милиционера.

- Ладно, ладно, не буду пытаться тебя. На обеде посмотрим, чем нас девчонки будут кормить. Уверен, что для нас обоих это будет сюрприз.

Он хлопнул меня по плечу, и пошел в сторону своего рабочего места, а я смотрел ему в след, и удивлялся, как он стал мне так близок, за столь короткий срок.

С небольшим опозданием я вошел в слесарку. Там мастер Паша уже собрал всех работников. Встав у стены, я старался не привлекать к себе лишнего внимания. Павел начал свою речь:

- Так товарищи, - его голос звучал торжественно и немного взволнованно, – «Хочу вам сделать объявление, что благодаря нашему вмешательству Ольга Михайловна стала прекрасным человеком. Мы ее с вами перевоспитали! И теперь каждый из вас в состоянии сам пойти и взять любую нужную запчасть на складе. Она мне лично сказала, что будет выдавать все, что вам нужно, сама.

В воздухе повисла тишина, затем раздалась радостные возгласы и смех. Все понимали, что это большая победа, ведь раньше Ольга Михайловна была известна своей строгостью, и категоричным нежеланием идти навстречу рабочим. Теперь же, благодаря совместным усилиям, ситуация изменилась в лучшую сторону.

Мне было интересно наблюдать за своими товарищами по работе, каждый из них чувствовал, свое вмешательство в это дело. Я обратил внимание на Васю Анциферова, заметив также, что все рабочие поглядывали на него, и при этом, открыто кладовщицу, в его присутствии никто не ругал. Сам же он заметно нервничал. Я вспомнил, что вчера Василий ее провожал, они ушли вместе пешком. Можно предположить, что между ними зарождается любовь.

Мои мысли блуждали, пытаюсь соединить воедино все детали. Василий же стоял в стороне, слегка отрешенный от всеобщей радости, и его лицо выражало нечто большее, чем просто удовлетворение от новости. Он казался задумчивым, а его взгляд, время от времени скользивший по лицам коллег, выдавал легкое беспокойство.

Рабочие, собравшиеся в слесарке, то и дело бросали на него короткие, но многозначительные взгляды. Казалось, они все знали что-то, чего не знал я. В воздухе висело ощущение тайны, а я никак не мог отделаться от мысли, что за всей этой историей скрывается нечто большее, чем просто изменение в поведении Ольги Михайловны.

Вспомнив вчерашнюю сцену, как Василий и Ольга шли вместе домой, внутри меня зародилось любопытство. Что же все-таки связывало этих двоих? Была ли это просто дружба или нечто большее? Вопросы роились в моей голове, и я понимал, что разгадка этой тайны может быть куда интереснее, чем я мог себе представить. И скорее всего она уходит корнями в их прошлое.

- Товарищи! – снова привлёк к себе внимание Паша, – Я на часок в пятый цех сбегать, прикроете если что?

- Беги, беги! – с сарказмом произнес Зюзин, – Жених!

Мастер удалился, оставляя после себя приподнятое настроение у рабочих.

- Андрияха, - окликнул меня Калужский и сразу перешел к делу - оборудование вроде все работает, пойдем к Трещевой на кран, в шахматы поиграем. У меня есть большое желание огреть тебя матом.

- А пойдем! – согласился я, и проследовал за наставником.

Поднявшись на кран, мы разложили шахматную партию. Калужский, впрочем, как и всегда, играл уверенно и расчетливо, но и я старался не отставать. В процессе игры я подметил, что он чем-то обеспокоен, но решил не торопить события, а дожидаться, пока тот сам начнет разговор. Видимо это ему мешало играть полноценно, и уже через несколько ходов я объявил ему мат. При этом он как бы и не расстроился, положил шахматы к себе в сумку и начал рассказ:

- Они дружили с детства, и их отношения были крепкими и искренними. Ольга проводила Васю в армию, честно, с нетерпением его ждала. Когда Вася вернулся, их дружба переросла в любовь, они подали заявление в ЗАГС. Но однажды вечером, на танцах, Василий, будучи не совсем нетрезвым, совершил ошибку, которая изменила их будущее на многие годы. В порыве эмоций он ударил Ольгу, что стало для нее настоящим потрясением. В свою очередь она нанесла ему ответный удар, который оказался гораздо сильнее, чем можно было представить. Этот инцидент и стал началом конца их дружбы. С тех пор они не общались, и прошло уже много лет с тех пор, как какой-то пустяк, необдуманное сказанное слово, поставило точку в их некогда прекрасных отношениях. Ольга всем говорит, что отец ее дочери, не наш Вася. Даже я это много раз это подтверждал, меня об этом просила сама Ольга, когда была беременна. Но я то знаю, что наш Анциферов был у нее первым мужчиной, и скорее всего последним. Ее характер, некогда мягкий и открытый, стал жестким, и замкнутым, с тех пор все мужчины для нее стали враги.

Калужский закончил свой рассказ, и вокруг нас, несмотря на сотни работающих механизмов, повисла тяжелая тишина. Его лицо, обычно такое живое и выразительное, сейчас было мрачным и задумчивым. Я видел, как в его глазах мелькнула печаль, когда он говорил о судьбе Ольги и Василия. Он явно переживал за них, за их разрушенные мечты и несбывшиеся надежды.

Мы сидели молча, каждый погруженный в свои мысли. Я чувствовал, как тяжесть его слов давит на меня, заставляя задуматься о хрупкости человеческих отношений. Создавалось впечатление, что в этот момент мой наставник не просто рассказывает историю, он делится своей скорбью, своей болью за тех, кто ему был дорог.

Василию примерно было лет сорок, можно прикинуть, что они провели порознь половину своей жизни. Печально, что жизнь порой бывает жестокой и несправедливой, что люди могут разрушить то, что строили годами, одним неверным шагом или необдуманным словом.

- Так, - вздохнул Калужский, взглянув на часы, – До обеда мы с тобой доработали, тяжело нам было, но мы справились. Надо бы у Паши премию выпросить».

- Конечно надо! - поддержал я товарища, - У нас сегодня был очень сложный день. Я не намерен играть с тобой в шахматы без повышенной премии.

Александр встал, устало потянулся, в его взгляде читалась усталость, будто он полдня работал не покладая рук. Мне очень нравилась эта артистичность в нем. Да и не только в нем, при необходимости, весь наш дружный коллектив мог составить достойную конкуренцию любому академическому театру.

Калужский, как всегда, мастерски поднял настроение, и мы окрыленные его энергией, отправились на обед. Я вспомнил, что обещал прийти раньше. Быстро помыл руки, зашел за Толиком, и уже вместе с ним пошли на обед. Обеденный перерыв, обещал быть очень интересным. Мы поднялись на второй этаж и, едва войдя в длинный коридор, заметили на другом его конце комиссию, которая должна была проверять сегодня Анастасию. Мы вошли в кабинет, где обычно обедали. Там уже нас поджидали наши девушки, готовые к приему пищи. На столе стояла аппетитная еда: домашние котлеты, румяные и сочные; лежали тонкие ломтики аромат-

ного сала и вареные яйца, аккуратно очищенные и нарезанные. Соленые огурчики, хрустящие и освежающие, дополняли кулинарный натюрморт, приглашая к приятному обеду.

Только мы расселись за столом, как дверь распахнулась, и в кабинет вошли члены комиссии. Мы изобразили удивленно-растерянный вид, ведь приготовились к обеду, а тут такой высокопоставленный визит, что создавало ощущение суеты и мешало хорошему настроению.

Комиссию, судя по всему, возглавляла строгая женщина в кипельно-белом халате. Ее взгляд был пронзительным и внимательным. Она осмотрела продукты на столе, явно заметив, что они не из столовой, и вопросительно взглянула на женщину, которая ее сопровождала.

Сопровождающей была заведующая столовой в белом халате и колпаке. Перед высоким начальством она явно нервничала и краснела, понимая, что ситуация уходит из-под контроля. Ее внешний образ стремительно менялся: она превращалась в подавленную и уничтоженную морально заведующую. Неожиданно в ее глазах засветился зловещий огонек, женщина заметила, что на столе у окна стоял большой поднос, накрытый полотенцем. Видимо сделав умозаключение, что там хранятся продукты из столовой, она уверенным шагом направилась в сторону подноса. Решительным жестом было сдернуто полотенце и вместо ожидаемых продуктов все увидели сумки и термосы, в которых, по всей видимости, были принесены все эти домашние разносолы.

Начальник отдела рабочего снабжения, по совместительству начальник комиссии, строго посмотрела на заведующую столовой, и та как показалось присутствующим, под суровым взглядом, становилась все меньше и меньше ростом, ее плечи буквально сгибались под тяжестью ответственности. Она понимала, что не оправдала ожиданий, и это осознание было для нее невыносимым. Чувство вины, чувство того, что подвела всех, кто доверил ей эту столовую, давило на нее тяжелым грузом. Заведующая даже не поняла, что перед ней сейчас разыграли спектакль, и то унижение, которое ей приходится переносить спланировано.

Начальник ОРСа еще внимательнее осмотрела комнату, словно оценивая каждую ее деталь. Проницательный взгляд скользил по собравшимся, и наконец, она спросила:

- За кем закреплена эта комната? – ее вопрос, заданный с ноткой сомнения, повис в воздухе, заставив всех присутствующих замереть в ожидании ответа.

В этот момент Маша, обычно скромная и тихая, почувствовала, как внутри нее нарастает волна решимости. Она знала, что от ее ответа зависит многое, и это предавало ей сил. Она сделала глубокий вдох, словно готовясь к важному выступлению, и произнесла:

- Эта комната, относится к четвертому цеху!

Уверенность Маши была поразительна, и даже начальник ОРСа, привыкшая к подчинению, на мгновение замерла, пораженная силой характера молодой девушки.

Руководитель комиссии, строго посмотрела на заведующую столовой, и задала вопрос:

- А какое Вы имеете отношение, к этой комнате?

Этот вопрос стал последней каплей. Заведующая, не в силах больше сдерживать эмоции, разрыдалась. Слезы катились по ее щекам, и она, не в силах оставаться, пулей вылетела из комнаты. По коридору разнеслось гулкое эхо ее плача и быстро удаляющихся шагов.

Все присутствующие, словно застыли, услышав этот плач. В воздухе повисла неловкая тишина, наполненная сочувствием и пониманием.

Начальник ОРСа еще раз окинула взглядом присутствующих, словно проверяя, не упустила ли она чего-то важного. Ее взгляд в этот раз задержался на Насте, и в глазах промелькнула тень сомнения, но затем выражение лица смягчилось. Она загадочно ей подмигнула, словно давая понять, что все в полном порядке, и вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

В комнате висела звенящая тишина. Я невольно задумался о произошедшем. Вчера все казалось таким простым и понятным, а сегодня я вдруг неожиданно для себя почувствовал жалость к заведующей. Она, конечно, была строгой, но возможно, у нее были свои причины для такого поведения. И если разбираться глубже, в этой ситуации, она во многом была права.

Мы наскоро перекусили, настроение было испорчено. Несмотря на попытки отвлечься, мысли все время возвращались к произошедшему. Я хотел было поцеловать Машу и уйти в цех, но она меня остановила:

- Андрюш, ты не знаешь, почему Ольга Михайловна решила уволиться? Вроде все с ней только наладилось, а тут на тебе, принесла заявление об увольнении.

Я ничего не ответил, только пожал плечами и вышел. Обеденный перерыв заканчивался, и нужно было идти в цех. Войдя в слесарку я подошел к Калужскому:

- Александр! Мне сказали, что Ольга Михайловна увольняется. Наверняка из-за того инцидента, получается что вроде, как по нашей вине. Может это следует как-то исправить?.

Калужский встал перед Анциферовым, и некоторое время молча смотрел, пронизывая его взглядом, словно пытаясь прочитать его мысли. Затем, подошел ближе, заглянул в глаза и спросил:

- Почему Оля увольняется?

Василий отвернулся, избегая прямого ответа. Его взгляд затуманился, мысли метались в голове. Видно было, что он растерян и не уверен в своих действиях. В глубине души он молча просил поддержку у своих друзей, надеясь найти правильный выход из этой сложной ситуации.

- Малой! – громко крикнул Калужский.

- Что дядь Саш? – отозвался практикант.

- Иди на склад, подойди к Ольге Михайловне и скажи, что коллектив крановой службы, вызывает ее на товарищеский суд, - распорядился Калужский, не сводя взгляд с Анциферова.

Практикант Сергей, немного подумал, скорее всего он еще не забыл свой последний визит в кладовую. Уловив поддерживающие взгляды всех, кто был в слесарке, быстро удалился.

В слесарке повисла напряженная тишина. Все хорошо помнили, какой яростной и злой она приходила в последний раз. И сейчас, ожидая ее появления, никто не мог представить, в каком она придет настроении: доброй или, наоборот, разъярённой. Лица рабочих выражали смесь любопытства и опасения. Они молча переглядывались, не решаясь нарушить тишину. В слесарке зависло напряжение, все, затаив дыхание, ждали, какую Ольгу они сейчас увидят.

Дверь слесарки осторожно приоткрылась, и в проеме появилась Ольга Михайловна. Ее взгляд был полон испуга и растерянности. Это был совсем другой человек, нежели та, кто приходила сюда совсем недавно, наводя ужас на мужчин.

К ней не было уже той неприязни, которая присутствовала ранее. Весь мужской коллектив, словно по волшебству, расположился к ней. Они смотрели на нее с одобрением, удивляясь, как она преобразилась, став таким прекрасным человеком.

Ольга Михайловна вошла в помещение, остановилась посреди слесарки и опустила голову. Ее вид был удивительно скромным, и в этом была удивительная красота.

К Ольге подошел Калужский. Он выждал паузу, чтобы еще сильнее напрячь атмосферу в помещении, а потом не сводя с нее взгляд спросил:

- Оля, мы вызвали тебя на товарищеский суд, потому что у нас появились сведения, что ты уходишь с нашего завода. Мы твои товарищи категорически с этим не согласны, и попробуй нам объяснить, почему ты решила нас покинуть?

Калужский закончил свою речь и отошел в сторону, чтобы Ольге было хорошо видно сидящего перед ней Василия. Она смотрела на него влюбленным взглядом, а окружающие удивлялись прекрасному преображению кладовщицы.

- Что я вам могу сказать? – Ольга осмотрела всех мужчин, заглянула каждому в глаза и продолжила – что вы у меня спрашиваете? У меня есть мужчина, пусть он все и решает.

Василий поднял голову. Ему очень понравилось, что Ольга решила доверить ему свою судьбу. Он с нежностью в голосе сказал:

- Оля, иди работай, мы остаемся!

В слесарке раздался гром аплодисментов. Рабочие окружили пару, хлопая их по плечам и пожимая руки. Слесарская мастерская наполнилась смехом, шутками и добрыми пожеланиями. Работа отошла на второй план, уступив место радости и искреннему счастью.

- А ну расступись! – крикнул дядя Коля.

Рабочие разошлись, уступая дорогу ветерану. Николай Викторович приблизился к Ольге. Его движения были плавными и уверенными, он трижды, поцеловал ее в губы, вкладывая в каждый поцелуй частицу своей души.

Ольга Михайловна, застигнутая врасплох, почувствовала, как ее щеки заливают румянец. Ее глаза полные счастья и радости, с любовью смотрели на окружающих ее людей. Она не могла сдерживать улыбки, которая осветила ее лицо, словно солнечный луч.

Калужский, с легкой улыбкой на лице, поднял Анциферова и, словно в замедленной съемке, подтолкнул его к Ольге. Ольга почувствовала его приближение, подняла взгляд. Их глаза встретились, и в этот момент мир для них перестал существовать. В их глазах читалась любовь, которую они так долго скрывали. Мне казалось, что их сердца были готовы выпрыгнуть из груди от переполнявших их чувств. Они обнялись, крепко прижавшись, друг к другу, словно боялись, что этот момент может исчезнуть опять на долгих двадцать лет.

Я стоял, наблюдая за этой трогательной сценой, и сердце мое наполнилось радостью. Любовь, вспыхнувшая вновь после стольких лет, была настоящим чудом. Я огляделся вокруг и увидел, как все в слесарке искренне радовалось за воссоединившуюся пару. В их глазах светилась не поддельная радость за Василия и Ольгу.

У дверей я заметил, стояли три крановщицы, Катерина, Светлана и Татьяна Трещева. Они всегда приходили, когда у них случилось неисправность на кране, но сейчас они молча наблюдали за происходящим, словно зачарованные. Их лица были полны эмоций, и я заметил, как на глазах Татьяны блеснули слезы.

Стараясь не нарушать общую атмосферу, я подошел к женщинам и тихо спросил:

- У вас что, краны сломались?

Татьяна взглянула на меня, и в ее глазах я увидел смесь радости и грусти. Она вытерла слезы и, с легкой улыбкой, ответила за всех:

- Да ну их нафиг, эти краны. Тут у вас такое... - ее голос дрогнул, и она замолчала, словно не находя слов, чтобы выразить свои чувства.

В этот момент я понял, что для нее, как и для всех нас, важнее всего была не работа, а человеческие отношения, любовь и человеческое счастье, которое мы все так ценим.

- Андрей, - меня окликнул Зюзин, в его лице появилось прошение, о которой ему было неудобно попросить.

- Степ расслабься, и просто спроси! Мы ж друзья. – Сказал я, делая дружелюбное лицо.

Степан еще помедлил, видно было, что серьезные обстоятельства, вынуждают его прибегнуть к моей помощи.

- Мотоцикл мой, ремонта требует, сам понимаешь запчастей не достать. На рынке очень дорого. У нас в одиннадцатом цеху, парень делает поршня, хорошо делает, поршень бутылка водки. Но там появился один мужик, который решил что он там самый важный. И обложил данью, всех кто калымит. Я договаривался сделать два поршня за литр водки, а теперь получается, я должен два литра водки. Кто ему не подчиняется, избивает. Недавно мужик из пятого цеха ходил, за заказом, но получил лишь синяк под глаз.

Зюзину было очень трудно говорить, я видел, как каждое слово ему дается с трудом. И попросить у меня помощи ему было трудно и стыдно.

- Степан, я все понял, - стараясь успокоить друга начал я – ты мне только скажи, что с ним сделать, просто побить или убить на глушняк?

Я постарался поднять настроение упавшему духом, другу.

- Андрей, этот мужик, сидел! – предупредил меня Степан, заглядывая мне в глаза, – и здоровый!

- Степ, ну что ты мне в глаза заглядываешь, ждешь, чтобы я испугался?

- Ну, так пойдем? – робко сказал Степан.

Нужный нам цех, был рядом. Степан открыл дверь и пропустил меня вперед. Это был длинный и узкий цех, с двух сторон которого стояли станки токарные, фрезеровочные, с числовым программным управлением. У меня сердце забилось быстрее. Ведь вся моя прошлая жизнь прошла именно в таком цехе. Имея современные станки, я смог открыть в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году, арендный участок, и мы начали делать запасные части для легковых автомобилей. Только благодаря этому, мне удалось удержать завод, в девяностых от полного развала. Я подошел к станку, это было как долгожданное свидание, положил на него руку, по руке прошла вибрация. Острый резец, подошел к металлу, и начал его резать, раздался звук, который привел меня в восхищение, на резец полилась эмульсия жидкость для смазки и охлаждения. Запах режущего металла, смешанный с грязной вонючей эмульсией, вызывал у меня не отвращение, а странное чувство ностальгии и удовлетворения. Этот запах был мне знаком, он напоминал о тех днях, когда я только начинал свой путь, когда каждый звук станка звучал для меня как музыка, а каждый запах – как аромат успеха. Это был запах труда, усилий, достижений, и он мне был очень дорог.

Токарь, работающий на станке, увидев мой интерес. Встал так, чтобы мне было лучше видно, и продолжил работу.

А моя душа продолжала петь, я смотрел на работу станка, на то, как металл поддается резцу, принимая нужную форму. Это было мое, это было частью меня. Резец словно мастер, касался металла, и каждый его проход был словно штрих на холсте, создающий нечто новое, прекрасное. Станок, словно живой организм, чуть напрягся, и в этом движении я видел отражение своей души, и своей жизненный путь. Я вспоминал прошлые дни, когда этот станок был первым моим учителем, когда каждый оборот шпинделя, был для меня открытием, в неизведанный мир мастерства. Звук металла в моих ушах звучал как гимн моему труду.

Я стоял у токарного станка, завороженный его размеренной работой. Вдруг резкий толчок в плече, вывел меня из задумчивости и вернул в реальность. Я посмотрел на токаря, его лицо было искаженное тревогой. Он молча, кивнул в сторону, и я проследил за его взглядом. В десяти метрах от меня, стоял Степан, а перед ним возвышался исполинский силуэт. Двух метровый детина с лицом, лишенным всякой жалости, он смотрел на Степана холодными как лед глазами. Его массивные скулы и квадратный подбородок выдавали в нем человека, привыкшего к насилию. Широкая грудь и массивные плечи создавали впечатление неприступной крепости. Он стоял, скрестив руки на груди, и его поза излучала уверенность и превосходство.

Из носа Степана тонкой струйкой стекала кровь, оставляя алый след на его рабочей одежде. За гигантом, словно тени, маячили еще двое крепких парней, ухмыляющихся и явно довольные происходящим. Их лица были полны самодовольства и предвкушения.

Я почувствовал, как внутри меня закипает гнев. Не раздумывая, я направился к ним, готовясь защищать друга, и дать отпор этим наглым врагам.

Я подошел к здоровяку, который держал Степана за горло, и стараясь говорить спокойно сказал:

- Отпусти его, ты сейчас будешь иметь дело со мной.

Здоровяк медленно оглядел меня оценивающим взглядом и отпустил Степана. Его рука чуть дернулась, мышцы напрягаясь, словно пружина, готовая распрямиться. Я был готов к удару, и ловко ушел под руку. Над моей головой просвистел огромный кулак, наполненный яростью и силой.

Мой удар был не сильным, но резким и точным – прямо в челюсть. Его голова дернулась назад, как от невидимой силы, а затем он рухнул на колени, словно подкошенный. Его массивное тело, потеряв равновесие, медленно опустилось на бок, и он замер, не в силах подняться.

Двое других рванулись на меня в яростной атаке, их глаза горели жадной мести. Я ударил одного ногой, вложив в удар всю свою силу, он отлетел от меня, словно подхваченный ураганом. Второй же, не теряя времени, хотел нанести удар рукой, но я успел поставить блок и ответил ему в лицо сокрушительным кроссом.

Удар был настолько сильным, что мне в лицо брызнула кровь соперника, что вызвало у меня неприятные чувства. Противник рухнул на пол, словно подкошенный. Я осмотрел поле битвы, тот которого я ударил ногой, корчился от боли, хватаясь за живот. Двое других лежали неподвижно, словно поврежденные гиганты.

Вокруг стояли рабочие, их лица были полны удовлетворения и облегчения. Они наблюдали за схваткой с напряжением и вниманием, и каждый удар, который я наносил, вызывал у них тихие взгляды одобрения. Видимо, эти трое успели надоесть всем своим поведением, и теперь рабочие видели во мне избавителя. Я чувствовал на себе их благодарные взгляды, полные признательности и уважения. В их глазах я читал не только благодарность, но и восхищение моей смелостью и решимостью.

Я не смотрел на этих рабочих так же, как они на меня. Мне казались, что они заслуживают признания. Их здесь десятки человек, и они не могли поставить троих наглых мужиков на место. Мне очень хотелось им высказать это, мое презрение, но я решил не сейчас может, как ни будь позже, выскажу им свое мнение.

Я взглянул на Степана. Он уже умылся, но на его спецовке остались следы крови.

- Ну что, Степан, забрал все? – спросил я.

Он кивнул головой.

- Тогда пошли, - сказал я, и бросив последний взгляд на токарный станок вышел из цеха.

Степан шел рядом, он говорил какие-то слова благодарности, но я его не слушал. В моей голове кружилась настойчивая мысль. Я должен срочно поменять работу и перейти на станок токарем или фрезеровщиком. Это будет лишь началом. Работая простым рабочим, я вряд ли смогу помочь родному заводу, следовательно, для этого нужно поступать в институт. Для меня учиться будет не сложно. И я дал себе слово: в ближайшее время я стану руководителем. К тысяча девятьсот девяносто первому году я добьюсь высокого положения, чтобы мое мнение было весомым, чтобы ко мне прислушивались. Я хочу использовать свою силу и опыт ради родного завода – чтобы в будущем сохранить рабочие места не допустить массовых сокращений. Я отлично помнил, как в Москве люди потерявшие работу с большим трудом, находили себе применение. А здесь в этом маленьком городке, потерять работу, будет семейная трагедия.

Но что мне делать сегодня. Может идти к Горину рассказать ему все, что ждет завод в будущем, и просто поговорить по душам. Мне эта тема не нравилась. Они и так ко мне относятся как к марсианину, а после этого разговора может кончиться психушкой. Так решено пока буду добиваться всего сам, и готовиться к переходу на гражданскую продукцию, без которой завод в девяностых не удержать.

Мысли металась в голове, как птицы, запертые в клетке. Все вокруг будто исчезло, осталось только эта внутренняя суета. И вдруг, словно сквозь плотный туман, перед глазами проступила стена – холодная, серая. Я не сразу понял, где я нахожусь, растерянно огляделся по сторонам. Это была стена моего цеха. За спиной стоял Степан. Он всегда рядом, когда я улетаю, в свои мысли, когда реальность становится зыбкой. Его молчаливое присутствие – как щит, как тихая поддержка, чтобы никто не увидел меня в этот уязвимый момент.

Степан хлопнул меня по плечу и первым вошел, в цех. Шум рабочих механизмов, окончательно привел в меня в себя. Мысли не ушли они продолжали роиться в моей голове, но я не терял самообладания.

Глава 2

Рабочий день продолжался, слесаря, электрики все занимались своим делом. До конца рабочего дня оставалось три часа, Калужский, предложил пройти по цеху. Мы взяли ключи и только хотели идти на кран, как дверь в слесарку распахнулась и на пороге возникла девушка, я ее видел в табельной. Она быстро огляделась, нашла меня глазами и, громким голосом крикнула:

- Власов к начальнику цеха, срочно!

Я взглянул на Калужского, который, как и я, был удивлен. Мы обменялись недоуменными взглядами, пытаюсь понять, что могло произойти. В голове мелькали разные мысли: что-то случилось на производстве? Или, может быть, это связано с каким-то недоразумением?

- Интересно, зачем я ему понадобился? - Сказал я, чувствуя, как нарастает внутреннее напряжение.

Быстрым шагом я направился к начальнику цеха, но, выйдя на улицу, увидел Машу. Она подошла ко мне протянула мой пропуск, и быстро заговорила:

- Дядя Соломон приехал, папа позвонил Горину, и нас отпросил домой пораньше. Пропуск я твой из табельной забрала, переодевайся, и поехали, я тебя буду ждать на проходной.

Я быстро помылся, переоделся и вышел на проходную. Там ожидая меня, стояла Маша, ее присутствие меня немного успокоило, но ненадолго, стояло Маше заговорить про Соломона, я почувствовал, как напряжение вновь меня начинает окутывать. Я представлял себя как будто выхожу на ринг и готовлюсь к поединку. Вспомнился день, когда пришел к Машиным родителям, тоже волновался, но далеко не так.

Маша взяла меня за руку, и мы вместе пошли домой. Я чувствовал какое-то странное напряжение внутри, хотя и не мог понять причину. Почему начинаю нервничать, перед встречей с Соломоном. Я не мог в себе разобраться, но отлично понимал, что это мое внутреннее чувство, меня о чем-то предупреждает. Маша и ее родители, о нем говорят, только самое хорошее.

Маша, заметив мое состояние, старалась меня успокоить. Она говорила:

- Ты ему понравишься. Ты у нас такой сильный и он, когда был молодым, был похож на тебя крепкий и мускулистый.

Ее слова звучали ободряюще, и я чувствовал, как ее поддержка помогает мне справиться с непонятным волнением. Но самое главное я не понимал причину волнения.

Мы с Машей вошли во двор, и возле беседки сразу увидели Машиных родителей. Они как всегда были приветливы, рядом с тещей сидел дядя Соломон. Ростом он был примерно таким же, как я, широкие плечи с телом атлета. Было видно, что в молодости он был крепок и селен, и годы не смогли полностью стереть следы былой мощи. Его лицо, обрамленное аккуратно уложенными темными с проседью волосами, излучало мудрость и спокойствие. Глаза, глубокие и проницательные, словно хранили в себе, тайны веков. Тонкие черты лица, нос слегка с горбинкой, кожа умеренно смуглая и мягкие припухшие губы, предавали ему благородный вид.

Одет он был с изысканным вкусом. На нем был темно-синий костюм, который идеально подчеркивал его стройную фигуру. Рубашка цвета слоновой кости была заправлена в брюки, а галстук в мелкий геометрический узор добавил образу нотку элегантности. На ногах у него были кожаные туфли, блестящие и ухоженные.

Соломон выглядел так, будто готов был появиться на светском приеме или вести важную беседу. Его осанка и манера держаться выдавали в нем человека, привыкшего к уважению и восхищению.

Маша подбежала к Соломону и, радостно воскликнув, прыгнула ему на шею. Он легко поднял ее, покружил и поставил на землю. Затем его взгляд обратился ко мне. Он внимательно

с интересом осмотрел мою одежду с ног до головы. На несколько секунд он как бы застыл, рассматривая меня, но потом быстро собрался и вернулся в реальность. Я успел подумать, он так же как я, может вылетать, когда его что-то отвлекает. Я почувствовал себя немного неловко под его пристальным взглядом, но одновременно и польщенным. Наш гость казалось, оценивал не только внешний вид, но и то, как я себя чувствую в этой одежде.

Затем его взгляд, не теряя интенсивности, перешел с одежды на меня. Он смотрел мне не только в глаза, но и, казалось, в самую душу. Его глаза были глубокими и проникающими, они словно читали мои мысли и чувства. Он медленно подходил ко мне, сверля взглядом. Этот момент был невероятно напряженным, и мне это сильно не нравилось, было очень трудно удержаться от каких-либо действий. Я даже не мог понять, кого он мне напомнил, но в этот момент мне казалось, что в этом человеке нет ничего хорошего.

Соломон оглядел мои мышцы на руках, и решил, что ему все дозволено, и он меня может трогать своими руками. Он хотел взять меня за предплечье, но я перехватил его руку и посмотрел на него недоброжелательно.

Соломон вдруг рассмеялся, обнял меня и, прижав к себе, сказал:

- Маша мне как дочь. Надеюсь, и ты для меня станешь как сын.

Я кивнул и прошел к родителям. Взглянув на тестя, я увидел, что он понимает мое волнение. Он подмигнул мне, и я понял, что он меня поддерживает.

Мы сели за стол, который был щедро накрыт разнообразными блюдами. В центре внимания был, конечно же, приготовленный плов. Темный, красивый, от него шел прекрасный аромат, обещавший согреть душу и тепло. Особое место на столе отдавалось гостинцам, привезенным дядей Соломоном из Москвы. Баночки с красной и черной икрой, сверкающей на солнце, как драгоценные камни, соседствовали с тонкими ломтиками буженины, которые таяли во рту. Чуть дальше плени своей величественностью на столе красовался запеченный осетр. Его золотистая корочка, слегка подрумянившаяся в духовке, переливалась на солнце, а тонкие ломтики лимона, аккуратно уложенные сверху, добавляли изысканности и свежести. Осетр, словно драгоценность, подчеркивал торжественность момента и мастерство хозяйки, которая с любовью его приготовила.

Однако для меня, эти деликатесы были не в диковинку, и не представляли особой ценности. Я предпочитал тещин борщ, который для меня был лучше, плова он согревал мне душу, напоминая о домашнем уюте и заботе.

Рядом с Соломоном стоял армянский коньяк «Двин». Бутылка с золотистой этикеткой и изящной формой, привлекала внимание, а аромат, исходящий от коньяка, был насыщенным и сложным, с нотками сухофруктов и дуба. «Двин» был символом статуса и изысканного вкуса, который подчеркивал торжественность момента и создавал особую атмосферу праздника.

Соломон принялся пить стопочку за стопочкой, он не отказывал себе не в чем. А я в свою очередь выпивал полрюмочки, пригубливал или вовсе отказывался пить. Мне казалось, что наш гость, сейчас напьется, но я ошибался, вскоре Соломон отодвинул от себя бутылку коньяка и посмотрел на нас уже серьезно. Он оглядел нас с Машей трезвым взглядом, потом начал:

- Спасибо большое вам за приглашение на свадьбу, - поверь мне крестница я за тебя очень рад, что ты выходишь замуж, за хорошего парня. Я всегда для тебя хотел именно такого надежно мужа. Думаю, что за ним ты будешь как за каменной стеной. Ну а заработать большие деньги, даже очень большие, я вам помогу. Только нужно немного подождать.

Соломон еще раз посмотрел на меня колючим взглядом, потом продолжил:

- Теперь скажи мне, Андрей, какие планы на жизнь?

В доме зазвонил телефон, Соломон взглянул на часы.

- Это наверняка меня, - сказал Соломон, и быстрым шагом зашел в дом.

Я наклонился к Маше ближе и шепотом спросил.

- А он сам, чем живет?

Это услышал тесть, и ответил за Машу:

- Я бы охарактеризовал его работу, двумя словами. Близость к кремлю! И смею вас уверить он не простой там человек, от него много чего зависит.

Соломон очень долго разговаривал по телефону, мы успели поесть, поставить самовар, и когда мы уже разливали чай по чашкам, он появился в хорошем настроении.

- Хорошие новости? – спросила Александра Николаевна.

- Очень! – коротко ответил Соломон, и взял чашку чая в руки.

Чай был очень горячий, он подул, чтобы остудить его. Сделав маленький глоток, он от удовольствия закрыл глаза и, смакуя каждый глоток сказал:

- Иван-чай. Обожаю этот чай, я буду очень признателен, если вы мне с собой в Москву дадите щепотку Иван-чая.

- Дадим, мы оставили тебе в дорогу. – Успокоил Александр Сергеевич.

Я смотал на нашего гостя, и по-прежнему боролся с ненавистью к нему. Мне было даже не понятно, почему все мое нутро выворачивалось, от неприязни к этому человеку. У меня это было написано на лице, и я чувствовал на себе поддерживающие взгляды тестя и тещи. И потому решил, пора мне показать себя, и начинать запускать мой план в действие.

Я еще раз посмотрел на гостя, он выпил много, но выглядел хорошо. Еще раз пролистал в голове свой план я пошел в бой:

- Дядя Соломон, а вы свой дом будете достраивать?

Гость будто дрогнул, он посмотрел на меня каким-то сверлящим взглядом, будто смотрел мне в душу. Потом он поставил чашку с недопитым чаем на стол, еще раз посмотрел на меня серьезно, но взгляд его уже не был, как бы с высока. Он смотрел на меня, как на равного. Немного подумал и ответил:

- В настоящее время, у меня очень много дел в Москве. Если у нас все получится, а я думаю, что у нас все получится, то я буду строить дом в Москве. И этот дом будет похож на замок. А этот дом... будет для меня мал.

- Дядя Соломон, а вы бы могли мне этот дом подарить?

Мой вопрос, словно гром среди ясного неба, поразил всех, кто находился за столом. Но особенно сильное впечатление он произвел на Соломона. Его глаза на мгновение встретились с моими, и в них промелькнуло нечто, похожее на удивление, смешанное с легкой растерянностью. Он словно окаменел, погрузившись в свои мысли, и на его лице отразилось целая гамма чувств. Соломон переводил свой взгляд с тестя на тещу, затем на Машу, словно ища у них поддержку. Его замешательство было настолько явным, что казалось, будто время вокруг нас замедлило свой ход, давая каждому возможность прочувствовать всю глубину его переживаний.

- Дядя Соломон, - начал я, стараясь говорить спокойно и уверенно, - вы, наверное, меня не так поняли. Я готов у вас купить этот дом, но чтобы у нас не было лишних вопросов от власти, я вас прошу сделать на него дарственную.

Соломон сразу расслабился, словно сбросил с себя тяжелый груз. Его плечи опустились, лицо смягчилось, и он устроился удобнее в кресле, словно готовясь к долгому разговору. Я украдкой взглянул на тестя – тот смотрел на меня с восхищением, а теща, казалось, была в полном восторге. Это предавало мне уверенности и решимости двигаться дальше.

Соломон еще раз на меня внимательно посмотрел и начал говорить, взвешивая каждое слово:

- Послушай, Андрей, - его голос звучал спокойно и размеренно, - я могу продать этот дом, да. Но даже в таком недостроенном состоянии он стоит, не меньше двадцати пяти тысяч. И это только та сумма, которую я в него вложил, следовательно, он не может стоять меньше. Насколько я знаю, ты зарабатываешь сто пятьдесят рублей в месяц. И чтобы тебе заработать

на этот дом, нужно трудиться тринадцать лет и десять месяцев. И при этом не кушать и не одеваться. А у тебя будет жена, дети, ты готов на это пойти?

- Готов! – ответил коротко я. Продолжая рассматривать собеседника.

- Андрей, мне очень нравится, как ты ведешь диалог, – сказал Соломон, и в его голосе прозвучала нотка искреннего уважения. – признайся честно у тебя евреев в роду нет?

Его взгляд, устремленный на меня, был пронизательным и немного лукавым, словно он уже знал ответ и просто хотел убедиться в своей догадке. В этом взгляде читалось нечто большее, чем просто любопытство – это был взгляд человека, который ценит ум и находчивость, и который, возможно, увидел во мне что-то родное родственное.

- Не знаю, я из детдома, – ответил я, стараясь говорить спокойно, хотя в душе ощущал легкую горечь. Соломон, казалось, на мгновение задумался, его взгляд стал мягче, и в нем промелькнуло что-то похожее на сочувствие.

- Ну, Андрей, зарабатывай деньги, и мы вернемся к этому вопросу, – в его голосе прозвучала нотка отеческой заботы. В этот момент он дал мне понять, что я должен проявить настойчивость и упорство.

Я поднялся, вошел в дом, и прошел в Машину спальню. Достал свой сокровенный чемоданчик, открыл его ключом. В этот момент, когда я увидел множество денег, во мне возникло желание взять весь чемодан, открыть его перед Соломоном, и показать, какой я богатый человек. Быть может, даже у него нет таких денег, какие есть у меня. Но это желание быстро угасло. Я взял две пачки, отсчитал из третьей половину, получилось ровно двадцать пять тысяч, и быстро вернулся в беседку.

Подойдя ближе, я положил перед Соломоном пачки денег и сказал:

- Вот, возьмите. Это за дом!

Удивление Соломона достигло своего пика. Он словно окаменел, не в силах поверить в происходящее. Его глаза широко распахнулись, а на лице застыла маска изумления. Он несколько раз моргнул, словно пытаясь убедиться, что это не сон. Спросил:

- Откуда, у тебя такие деньжищи?

- В детдоме выдали! – отрезал я.

Соломону потребовалось некоторое время, чтобы окончательно прийти в себя. Обдумывая каждое слово, начал:

- Хорошо, – его голос звучал спокойно, но в нем чувствовалась легкая дрожь. – Поступим так. Завтра с утра, я еду к нотариусу, и напишу на тебя дарственную. Пользуйтесь. И поверьте, мне будет очень приятно, что этот дом, в который я вложил кусочек своей жизни, будет в руках хороших людей.

Все вокруг начали радоваться и поздравлять меня с покупкой. Мне поначалу это нравилось, но потом чтобы это прервать я обратился к Маше:

- Маша, ты сможешь завтра взять выходной, чтобы съездить с дядей Соломоном и оформить дарственную? Я хочу, чтобы этот дом был оформлен именно на тебя.

Родители посмотрели на меня, но нечего не стали говорить, Соломон сидел в кресле погруженный в свои мысли. Звонок телефона вывел его из задумчивости, поставив напенную коньяком стопку, на стол он вошел в дом.

В беседке повисла напряженная тишина, тесть некоторое время смотрел на меня с отцовской заботой, потом спросил.

- Сынок, я хочу задать тебе вопрос, если тебе этот вопрос не приятен, можешь не отвечать. Скажи, ты знаешь что-нибудь о своих родителях, и чью фамилию ты носишь?

Этот вопрос, словно неожиданный гость, застал меня врасплох, пробудив в душе смутное беспокойство. Но, взглянув на лица тех, кто стал мне по-настоящему дорог, я почувствовал тепло и близость, родных людей. С трудом подбирая слова, я начал:

- Признаюсь, этот разговор мне не приятен, - мой голос дрогнул, выдавая волнение – Но, кроме вас, у меня нет никого в этом мире. Я отвечу вам. Меня нашли совсем еще крошечным младенцем, на пороге нашего детдома. Нашел меня сторож, Власов Михаил. В честь его, мне и дали фамилию и отчество.

Я произнес эти слова, с трудом, словно камни скатывались с моих губ, оставляя горький привкус. Я почувствовал, как груз прошлого немного облегчился, и в глазах родных увидел понимание и поддержку. Они были рядом, и это давало мне силы.

Я решил разжечь, самовар. Взял приготовленные, сухие мелко нарубленные колышки, и положил их в топку самовара, стараясь чтобы между ними, свободно циркулировал воздух, создавая тягу. Сверху положил несколько крупных шишек, чтобы они придавали аромат чаю. Зажег спичку и поднес к мелким щепкам, огонь медленно разгорался, охватывая языками пламени дрова, и самовар начинал разгораться.

Когда вода в самоваре закипела, я услышал характерное шипение и увидел, как сверху вырывается пар. Теперь можно наливать чай.

Разжигание самовара стало для меня не просто способом приготовить чай, а возможностью погрузиться в мир спокойствия и размышлений. Когда самовар нагревался, на нем постепенно стал проявляться старинный дворянский герб. Этот момент был особенно трогательным, словно самовар оживал, возвращая к жизни свою историю и традиции.

Герб, который раньше был еле заметен, теперь становился все более отчетливым. Тепло, исходящее от самовара, словно пробуждало его, делая линии и детали более выразительными. Я с интересом наблюдал за этим процессом, чувствуя, как прошлое постепенно выходит из тени и становится частью настоящего. Эта связь с историей поглощала меня, своей таинственностью, и закутывала меня в свои сети, от которых мне не хотелось освободиться. Герб на самоваре, ставший более отчетливым, напоминал о том, что прошлое всегда с нами, и его нужно беречь и помнить. В ту минуту, когда история меня поглотила почти полностью, Я почувствовал, как ко мне подошли тестя и теща и Маша. Они окружили меня, словно защищая и поддерживая.

Тестя посмотрел на меня отцовским взглядом, полным заботы и надежды. В его взгляде читалась глубокая привязанность и доверие.

- Сынок, я спрошу у тебя один раз, и никогда больше не буду возвращаться к этому вопросу. – Ты можешь взять нашу фамилию?

Этот вопрос прозвучал как нечто большее, чем просьба. Он был наполнен смыслом и значением, принятия меня в семью и передачу мне не только фамилию, но и традиции семьи. Теща, стоявшая рядом, смотрела на меня с теплотой и нежностью. Она знала, как важен этот момент для всех, и ее глаза светились от радости и ожидания. Маша держала на моем плече руку, чувствовала мое волнение и поддерживала своим присутствием.

Я посмотрел, на свою семью, за такой короткий срок знакомства они стали для меня родными, пауза затянулась, и она начала отражаться беспокойством, немного подумал и ответил:

- Я возьму вашу фамилию, но только с одним условием. Если вы меня будите каждый день, поить чаем из этого самовара!

Тестя первый меня обнял, потом теща, ее объятия были нежными, но уверенными. Маша со стороны наблюдала за нами, наслаждалась каждым мгновением.

- Сынок я тебе дарю этот самовар, он твой.

- Пей чай, сколько хочешь! – поддержала Александра Николаевна.

- Сынок, спасибо тебе, что ты согласился, взять нашу фамилию, но я не хочу, чтобы ты поступил опрометчиво. Тебя могут дразнить на предприятии?!

Я усмехнулся, мне это действительно показалось смешным.

- В глаза сказать побоятся, а за спиной пусть говорят что хотят. Меня в общепитии называют Марсианином, а в глаза сказать боятся. Я буду Соколовский! Звучит хорошо. Во всяком случае, я буду знать, чью фамилию я передам своим детям.

В голове у меня, творилось что-то не понятное, мне нужно было успокоиться. Я устроился в мягком кресле, чувствуя, как усталость покидает мое тело. В руках у меня была чашка горячего чая, аромат которого наполнял меня уютом и спокойствием. Я сделал глоток, наслаждаясь теплом напитка, и погрузился в размышления о прошедшем вечере. Одним из самых ярких впечатлений стало знакомство с Соломоном, человеком, который, как оказалось, не так прост, как я думал изначально. В его глазах я увидел мудрость и доброту, которые не сразу заметил.

Мысли о семье Соколовских также не покидали меня. Их история, полная драматизма и любви, трогала меня до глубины души. Очень хотелось узнать, как они сражались на войне, как шли плечо к плечу через все испытания, выпавшие на их долю. И хотя очень хотелось узнать, как они вдвоем справлялись с ужасами войны, как находили в себе силы продолжать, это оставалось тайной, скрытой в глубине сердец. Но как я понял разговаривать о войне, в этой семье не принято.

- Маша может, пойдём, посмотрим наш дом? Предложил я.

Мы всей дружной семьёй, решили отправиться посмотреть наш дом. Атмосфера была наполнена предвкушением и легким волнением, ведь это был важный шаг, для нашей семьи. Я, стараясь быть организованным, предложил Маше взять листок бумаги, чтобы записать все, что нам понадобится для ремонта. Но тут нас остановил тесть, сильно стесняясь, он сказал:

- Самсон просил, чтобы мы не входили, когда он разговаривает по телефону.

Я задумался. Что за секреты у него могут быть? Что он там может такого секретного говорить, что не хочет, чтобы мы слышали? Вертелось у меня в голове. Любопытство разжигалось все сильнее, и я понимал, что теперь этот вопрос будет крутиться у меня в голове еще долго.

Глава 3

Тесть передал мне ключ с легкой улыбкой со словами:

- Открывай сынок, ты хозяин в этом доме!

Я взял ключ, вставил его в замок и, повернув, услышал знакомый щелчок, я много раз это делал, но этот щелчок был каким-то особенным, притягательным. Дверь открылась, впуская нас в новый дом, полный возможностей и надежд. На улице еще было светло, и мы смогли осмотреть дом при дневном свете. Первое, что бросилась в глаза, ровные, поштукатуренные холодные безжизненные стены. Казалось, дом ждал только наших рук, чтобы обрести новый живой облик. Меня радовало что этот дом требовал только поклеить обои, и положить плитку. Нас ждало увлекательное занятие – создание уютного пространства. В доме оказалось два ванных комнаты, на первом этаже просторная уютная, и на втором этаже только душевая. Такая планировка была очень удобной и практичной. Все было организовано с умом, создавая ощущение комфорта и функциональности.

Особенно впечатляла лестница на второй этаж. Она была выполнена из дерева и украшалась изящной резьбой. Перила, словно произведение искусства, вели к верхнему уровню, приглашая подняться и исследовать дальше. Вся архитектура дома наполняла стиль двадцать первого века, сочетая в себе современность и элегантность.

На первом этаже располагалась просторная, почти необъятная кухня. Рядом с ней зал, наполненный светом и воздухом, словно приглашая гостей на долгие вечера, в кругу хорошей компании. Просторная ванная комната, большая прихожая, и лестница, плавно уходящая на второй этаж. Здесь было три светлых комнаты, с большими окнами.

Мы медленно бродили по пустым комнатам, и наши голоса, словно нежные прикосновения, касались стен и возвращались обратно, создавая эхо. Я представлял себе, как преобразится это пространство после ремонта, как каждая деталь будет тщательно продумана и воплощена в жизнь.

В моей голове уже рисовались картины: на кухне появятся современные шкафы из светлого материала, а посередине станет стол, он станет центром притяжения всей семьи. В зале в стене на самом видном месте зияла большая дыра, я понял, что это дымоход для камина, мне уже виделась уютная комната с мягкими диванами и горящим камином, где можно будет проводить вечера с книгой на кресле-качалке, или в кругу близких мне людей. Ванная комната преобразится в оазис спокойствия мраморной плиткой и стеклянной душевой кабиной. Спальни на втором этаже я мысленно наполняю стильной мебелью и текстилем, создавая уют и комфорт.

Мне очень нравилось ходить по большим комнатам и представлять себе уголок счастья для моей семьи. Но вдруг я остановил себя на мысли, где я это все возьму. Ведь я не в двадцать первом веке, где магазины ломились от товаров. Я живу в том времени, где магазины пусты, и достать все это будет очень трудно. Мне очень хотелось самому достать все в этот дом, без помощи родителей. Надо идти в магазин «Весна», заведующая, наверняка знакома, с тем, кто наладит мне нужные знакомства. Но мне завтра на работу, а так хочется уже скорее отремонтировать дом.

- Александр Сергеевич, а вы сможете мне на завтра сделать выходной? – я отвернулся, мне почему-то было стыдно, просить тестя об этой услуге.

- Хорошо позвоню, - спокойно сказал тесть, разглядывая дом – у Маши так же завтра много дел. Попрошу Горина за вас, не беспокойся, он мне не откажет.

Все складывалось хорошо, завтрашний день обещает быть, насыщенным. Солнце начало клониться к закату, в доме в котором не было электричества, стало темнеть. Мы вышли на улицу, я по-хозяйски закрыл дверь, ключ положил в карман. Соломон продолжал говорить по

телефону, а значит, в дом входить пока нельзя. Мне это сильно не нравилось, или, скорее всего, мне было интересно, о чем таком секретном мог он говорить часами. Это меня заинтересовало настолько, что я был готов встать под окно и подслушивать, и удерживало меня от этого поступка, лишь уважение к родителям. Мы сели в беседку, но этот вопрос меня не покидал:

- Александр Сергеевич, - обратился я к тестю – дядя Соломон не пускает хозяев в дом, то о чем он говорит часами, действительно большая тайна?

- Не знаю, мне это не интересно, но делами он ворочает серьезными.

Тесть произнес эти слова спокойно, но я заметил, он задумался, его взгляд стал серьезным.

Внезапно меня осенила страшная догадка. А что, если этот Соломон, на самом деле является частью заговора? Что, если в данный момент он разговаривает по нашему телефону, и решает, как привести к власти Горбачева, который, пользуясь его поддержкой, перевернет всю нашу страну с ног на голову? Эта мысль, словно электрический разряд, пронзила мое сознание. Я почувствовал, как по коже побежали мурашки, а сердце начало биться в бешеном ритме. Неужели я прав? Неужели человек у кого я покупаю дом, действительно всему виной? Горбачев разрушил СССР, превратив некогда процветающую страну в нищету и разруху. Его политика перестройки и гласности, изначально задуманная как попытка реформировать социалистическую систему, привела к катастрофическим последствиям. Экономические реформы оказались неэффективными, что вызвало резкий спад производства и рост безработицы. Люди, которые раньше были уверены в завтрашнем дне, оказались в условиях дефицита и очередей за самыми необходимыми товарами. Я вспомнил свои самые жуткие воспоминания, когда сокращал людей на производстве. Иногда мне снятся сны, как передо мной лежит список людей, из числа которых нужно было сокращать рабочих. За каждой фамилией стояла человеческая жизнь, чьи то мечты, и я одним прочерком пера, должен перечеркнуть все к чему они стремились многие годы, работая на заводе.

Неужели мне придется еще раз пережить это все? Спад производства, безработицу... И, это все из-за этой твари! В моих глазах потемнело. Я почувствовал, как я хватаю руками за горло Соломона и ломаю ему шею. Я отчетливо услышал хруст ломающихся позвонков, ощутил, как кровь течет по моим рукам.

Ощущение, что я одним движением рук спас целую стану, нарастало во мне. Я чувствовал себя героем, который убил человека и спас целую страну советов.

Мне на руку легла теплая ладонь. Открыв глаза, я увидел, что держу в руках осетра, его кости впились мне в руки причиняя боль. Огляделся в беседке стоим мы вдвоем с Машей. Наш Соломон стоял чуть дальше в окружении родителей рассказывает им что-то веселое.

- Маша, пойду я домой. Мне нужно кое-что обдумать.

Я поцеловал Машу, попрощался с родителями и пошел в общежитие. Я шел, и меня не покидала мысль: может быть, я попал в это время для того, чтобы убить Соломона, и тем самым спасти великую страну, о которой я сильно тосковал, хотя жил до самой старости в роскоши? Но как я могу убить человека? Я чувствовал на себе большое давление, казалось, что меня кто-то невидимый, заставляет свернуть шею, этому ненавистному человеку.

В общежитии, мне никого не хотелось видеть, на кухне слышны были пьяные голоса. Наверное, проверяют свежевыгнанный самогон на качество. Стараясь не шуметь, я открыл дверь, разделся и, не включая свет, лег спать. Еще долго за дверью слышались пьяные возгласы, но они мне не мешали. Я думал, как мне поступить, с этим Соломоном. Убить, и спасти страну от разрухи, поможет ли одна смерть, Соломона спасти этот прекрасный добрый, отзывчивый к чужому горю мир. Наверняка он там в кремле не один, да и может еще он и не самый главный, в этой приступной шайки. Я долго думал, как мне поступить, что предпринять. Так и уснул.

За дверью слышались, крики. Открыл глаза, уже было светло, встал, умылся, я стал привыкать к тому, что в умывальнике все расступаются, когда я вхожу. Поначалу было

неудобно, но потом я вспоминал, что кто-то из этих людей прозвал меня Марсианином, и это неудобство быстро исчезало. В комнате мне захотелось позавтракать, открыл холодильник, у меня оставалось еще пол батона колбасы в морозилке, но она вся покрылась льдом. Достать быстро не получится, придется идти голодным, но нечего теща накормит. Я взял всю свою одежду, что была, вышел из комнаты и наткнулся на Валентину.

- Андрюш ты, что на работу опоздал? – с тревогой в голосе спросила девушка.

- Я отгул взял! -

- Что-то случилось?

Допрос Валентины был дружеский, и на ее вопросы, хотелось отвечать, в ее глазах была забота, и дружеская поддержка.

- Все хорошо, просто очень надо! – ответил я дружески.

- Может, позавтракаешь? Я картошку утром пожарила?

- Нет спасибо, меня Маша ждет.

- Маше привет! – послышался звонкий голос Валентины.

Я шел по коридору, и сердце мое наполнилось теплом. В этой стране, где люди так открыты и щедры, где сосед может предложить тебе завтрак просто так, без всякой выгоды, я чувствовал себя как дома. В этом жесте было столько доброты и заботы, что я невольно задумался о будущем.

Но в этот момент, словно тень, легла на мою душу мысль о том, что все это скоро исчезнет. А на замену этого придет мир холодный, жестокий, люди перестанут общаться с соседями, закроются в своих квартирах как в крепостях. Дети перестанут играть во дворах, будут проводить свободное время у телевизоров и компьютеров.

Я почувствовал, как меня кто-то мягко тронул за руку, я остановился, передо мной предстал, незнакомый парень. Его взгляд был полон заботы и искреннего беспокойства:

- У тебя все нормально? – спросил он, и в его голосе прозвучала нотка участия, которую невозможно услышать в двадцать первом веке.

Я ответил, что все в порядке, и продолжил свой путь, но этот короткий эпизод оставил глубокий след в моей душе. Пройдет совсем немного лет, и никто не подойдет к тебе и не спросит, что у тебя случилось.

Я еще не успел подойти к дому, как мой взгляд привлекла черная машина Mercedes-Benz 190E, которая плавно отъезжала от Машиного дома. Ее элегантный силуэт, отражающий солнечный свет, казался неуместным в этом тихом районе.

У дома собралось множество людей, и я почувствовал, как внутри меня нарастает тревога. Что могло произойти? почему тут так много народа?

Сердце забилось быстрее, и я поспешил к дому, стараясь разглядеть лица людей в толпе. Каждый шаг казался мучительно долгим, а мысли в голове кружились в хаотичном вихре. Что-то явно произошло, и я боялся узнать, что именно.

Когда я подошел к дому, толпа уже начала расходиться. Во дворе я заметил тестя, который стоял, скрестив руки на груди, и с явным недовольством поглядывал на последних зевак. Его взгляд был полон раздражения, словно он устал от этого шума и суеты.

Увидев меня, тесть немного оживился, и на его лице мелькнула тень облегчения. Я подошел к нему и, стараясь не выдавать своего волнения, спросил:

- Что произошло?

- Нечего не произошло! – Ответил он, но в его голосе слышалась усталость.

- А толпа? – не отставал я, пытаюсь понять причину этого странного сборища.

- Иномарку никогда не видели, - буркнул тесть, явно не довольный происходящим. Вот и пришла толпа целая смотреть.

С этими словами, он вернулся к своим делам, его молчание говорило о том что он в не настроении, и не расположен к разговору. Я решил подождать Машу и Соломона здесь, чтобы

обсудить все лично. Рассказать ему, что я знаю, о том, что они задумали сделать в Москве переворот, и посмотрю, как он на это будет реагировать.

Открыв дверь своего дома, я почувствовал, как тепло и уют обнимают меня. Проходя по комнатам, я любовался каждым уголком, каждым штрихом, который предавал этому месту особенную атмосферу. Дом был большим и светлым, и мне нравилось находиться в нем. Я представлял себе, какой в нем будет шикарный ремонт, и наслаждался этим чувством.

Вспомнив, с какой ненавистью, я относился к дому, который строила жена, она тогда еще не занимала высоких должностей, и дом получился маленький, всего четыреста метров. В последствии когда рядом начали строить огромные дома жена сильно переживала что наш дом сильно уступает соседским в площади, но зато он был на самом лучшем месте, с большим участком который упирался в водоем. Я задумался о переменах, произошедших со мной. Теперь я сам погружаюсь в строительство, и это приносит мне радость. Я понял, что в этом процессе есть что-то особенное, что-то, что позволяет мне себя чувствовать творцом, созидателем.

Каждый день я открываю для себя что-то новое, и это делает мою жизнь ярче и насыщеннее. Дом становился для меня не просто местом жительства, а настоящим убежищем, где я могу отдохнуть и найти гармонию. Осмотревшись в доме, я вышел на улицу, там я увидел Машу, она стояла у калитки, а рядом с ней стоял милиционер. Меня это как-то напрягло, и я поспешил подойти, еще издали я увидел, что разговор у них напряжен. Капитан был лет тридцати, его внешний вид был идеальным, чисто побрит, пострижен. От него пахло одеколоном, я так понял, что приводил себя в порядок он совсем недавно.

- Здравствуйте! – поздоровался я.

- Капитан Дроздов, представился капитан и показал удостоверение.

- Что случилось? - Вежливо спросил я.

Капитан осмотрел меня с ног до головы, не спеша, осматривая каждую деталь моего гардероба, потом начал:

- А вы простите, кто? – спросил капитан и вопросительно посмотрел на меня.

- Я почти муж этой девушки, и здесь проживаю!

Видимо милиционера это устроило, и он продолжил:

- К нам поступили сведения, что не далее как сегодня утром, от вас отъехал автомобиль иностранного производства. Можете объяснить, зачем он к вам приезжал, с какой целью, и кто владелец этой иномарки?

К нам подошел тесть, он слышал, что спросил милиционер, и явно нервничал, но капитан при виде хозяина, вытянулся по стойке смирно и отдал честь.

- Извините товарищ полковник, но руководство меня послало узнать, кто к вам приезжал на иномарке? – капитану стало неловко, он отвернулся, не решаясь посмотреть хозяину в лицо.

- Товарищ капитан, - обратился я к милиционеру - мы понимаем, что это ваша работа, и вы здесь по приказу вашего руководства, так что не смущайтесь. К нам приезжал московский друг Александра Сергеевича генерал полковник из КГБ. Сейчас он в дороге, в вечером мы ему позвоним и скажем, чтобы он вызвал ваше руководство к себе в Москву.

- Я думаю, это будет лишнее, мне приказано спросить, кто к вам приезжал на иномарке. Считаю, этого будет достаточно. Прошу прощения товарищ полковник. - Капитан отдал честь, и быстро удалился.

Я внимательно посмотрел на тестя. Он стоял, словно замороженный, и пристально рассматривал Машу. Его взгляд был полон вопросов, но он молчал. Я тоже обратил внимание на Машу и сразу заметил, что с ней, что-то не так. Она выглядела растерянной и потерянной, словно не понимала, где находится и что происходит вокруг. Ее лицо было бледным, а глаза – пустыми и отсутствующими. Казалось, что она находится в каком-то другом мире, и ее мысли заняты чем-то далеким и непонятным.

В руках Маша держала большой сверток из плотной бумаги. Она крепко сжимала его, словно боялась, что он может исчезнуть. Ее взгляд был направлен куда-то вдаль, и в нем не было ни капли осознания происходящего. Казалось, что она не замечает ни меня, ни тестя, ни вообще ничего вокруг.

Я подошел и осторожно взял ее за руки. Маша вздрогнула, словно очнувшись, от глубокого сна, немного подождав спросил:

- Маша не пугай меня, два марсианина на одну семью это перебор.

Маша, вместо ответа медленно развернула бумагу, которую держала в руках. Внутри лежали мои деньги, - те которые я отдал за дом. Тут и я уже был в таком же состоянии как Маша, мой язык окаменел, и я не мог задать волнующий меня вопрос.

- Документы он оформил? – помог мне тесть?

Маша молча кивнула, и ее лицо стало более растерянным.

- А деньги, почему он не взял? – спрашивал за меня тесть.

- Он нам подарил эти деньги на свадьбу, - ответила Маша, и в ее глазах появились слезы. Ее голос дрожал, и я почувствовал, как она борется с эмоциями, которые переполняют ее.

Я с облегчением вздохнул, чувствуя, как тяжесть последних часов спадает с плеч. Взяв руку Маши, я взглянул на ее часы – стрелки показывали без четверти одиннадцать. Время поджимало, мне нужно было идти в магазин «Весна»

Вдруг рядом раздался голос тестя:

- Я же тебе подарил часы, почему ты их не носишь?

- Те часы очень дорогие, и я боюсь их потерять. Пусть лежат до лучших времен. Да и что я скажу своим друзьям по цеху, когда они у меня увидят часы за пятьсот рублей?!

Тесть посмотрел на меня и, сняв с руки часы, протянул мне:

- Носи вот эти.

- Спасибо!

Я взял часы и перевернул, на обратной стороне увидел надпись «Майору Соколовскому за добросовестную службу маршал Д. Устинов»

Этот подарок вновь вверг меня в некоторое замешательство. Казалось бы, это был знак внимания, но я понимал, что не могу носить эти часы. Немного подумав, я сказал:

- Александр Сергеевич, вот вы опять дарите мне подарок, который я не могу носить. Эти часы я не должен даже поцарапать. Я обязан сохранить их для своих детей или внуков и рассказать им, чем они так ценны. Я должен поведать им историю о том, как их благородный предок, обладая воинской доблестью, заслужил этот подарок.

- Я, то их ношу! – раздражительно сказал тесть.

- От любой царапины, которую сделаете вы, они станут еще ценнее, а те царапины, которые сделаю я, будет преступление, перед потомками.

Я отдал часы тестю, он принял их у меня, и посмотрел на свои часы уже по-другому, как на историческую ценность.

Я поцеловал Машу, и пошел в магазин. Продавцы меня встретили как хорошего друга, сразу стали предлагать дефицитные товары. Настя, после последней нашей встречи, как-то искоса на меня поглядывала, но все равно старалась быть вежливой, предложила примерить у нее в квартире.

Я подошел и с нежностью в голосе попросил:

- Настя, помоги мне пожалуйста. Мне нужны хорошие импортные стройматериалы. Можешь мне с этим помочь?

Настя взглянула на меня с тяжелым, усталым взглядом и после короткой паузы, ответила:

- Это тебе надо к нашей заведующей, она знает всех, кто тебе в этом может помочь.

- Как ее зовут? Спросил я, надеясь получить хоть какую-то информацию о заведующей.

- Мария Романовна! – не поднимая глаз, ответила Настя, и, не дожидаясь других вопросов, ушла вглубь магазина.

Мне стало жаль ее в этот момент. Возможно, она на что-то рассчитывала, когда мы виделись с ней в последний раз, но теперь, судя по ее реакции, эти планы рухнули окончательно.

Не желая откладывать дело в долгий ящик, я быстро подошел к заведующей и, стараясь держаться уверенно, обратился к ней:

- Мария Романовна, могу я поговорить с вами о серьезном деле?

Заведующая была одета в строгий, элегантный костюм бордового цвета, явно пошитый на заказ у хорошего мастера. Женщина была в расцвете сил слегка полновата, с красивой ухоженной прической. Она увлекла меня за собой к окну, и, остановившись, приготовилась слушать. Ее взгляд был пронзительным и колким, словно она сверлила меня своими глазами, пытаясь проникнуть в самую суть моих намерений.

- Мария Романовна, я купил дом, и теперь мне нужны очень хорошие строительные материалы, вы мне можете помочь с этим?

Заведующая на мгновение задумалась, ее глаза блуждали, словно она искала ответ в глубине своей памяти. Я видел, что она что-то знает, и по какой-то причине не решается говорить. В этот момент я решил взять инициативу в свои руки. Достав из кармана сто рублей, я осторожно положил ей в руки. Ее лицо оживилось, и она, улыбнувшись приятной улыбкой сказала:

- Подожди меня здесь, я все устрою!

Я наблюдал, как она с решимостью в глазах, направилась к старому телефону, стоящему в углу. Ее пальцы крутили диск, набирая номер телефона по памяти. Я не слышал, о чем она говорила, но после короткого разговора она вернулась, ее лицо светилось уверенностью. И сразу перешла к конструктивному разговору.

- Тебе нужен Фарцовщик Саша – начала она уверенно – он может достать все, занимается только импортными товарами. Он из Орла, но часто приезжает в Мценск, у него тут мама живет, моя хорошая подруга. Подожди минутку, мне должны позвонить.

Время тянулось медленно, и я с нетерпением ждал звонка. Наконец раздался резкий звук телефона, от которого я вздрогнул. Заведующая подошла к нему, взяла трубку и, выслушав собеседника, повернулась ко мне.

- Тебе повезло, - сказала она с улыбкой – Саша сейчас у мамы и скоро будет здесь. С ним ты решишь все свои вопросы, я лично ему чрезвычайно благодарна. Он мне в прошлом году, достал новенькие Жигули шестой модели.

Минут через двадцать, к магазину подъехала черная Волга

Заведующая, увидев машину, наклонившись ко мне ближе, тихо сказала мне:

- Саша малый хороший, может достать, все что пожелаешь, но будь с ним на чеку, скользкий очень!

Я поблагодарил заведующую и вышел на улицу. Там рядом с дорогой стояла черная, новенькая, блестящая на солнце Волга «ГАЗ-24». Я не мог оторвать от нее восхищенного взгляда.

Глава 4

Фарцовщик не вышел из машины, но я увидел его взгляд, он внимательно осматривал меня. Я открыл дверь Волги, и сел рядом с водителем.

- Меня зовут Андрей! – протянул руку я.

- Александр! – коротко представился Фарцовщик, пожимая мне руку.

Мы обменялись крепким рукопожатием. Александр оказался худощавым мужчиной лет тридцати пяти, с бегающими глазками. Одет он был очень стильно, его одежда напоминала мою, но его новенькая машина говорила о его статусе. В машине я почувствовал запах крокодиловой кожи, он отличался от других видов кожи своей глубиной и насыщенностью. Он был более землистым и мускусным, с легкими нотками тления и влажной земли. Как будто кожа впитала в себя ароматы болот и джунглей, где обитали крокодилы. Этот запах был одновременно притягательным и отталкивающим, вызывая ассоциации с дикой природой. Запах крокодиловой кожи был для меня не просто ароматом, а воспоминанием, впитанным годами. Моя жена из прошлой жизни, купив машину, сразу загоняла в автосалон, и там меняли по ее желанию все, что ей хотелось. Порой сумма модернизации солона, превышала стоимость самого автомобиля.

Я посмотрел на сидение подомной, оно было из обычного велюра, но запах крокодиловой кожи, словно призрак, преследовал меня. Я бросил взгляд на заднее сидение и сразу же увидел, оно было покрыто крокодиловой кожей. Этот вид вызвал во мне волну воспоминаний и эмоций, словно я вновь оказался в той машине, в том времени, когда моя жена из прошлой жизни перетягивала сидения этой кожей.

Александр терпеливо ждал, пока я осмотрелся в машине. Наконец, он нарушил молчание:

- Ну что, какой фронт работы? – высокомерно начал обладатель дорогой машины.

- У меня дом. Двухэтажный хороший дом. Мне для ремонта нужны: обои, линолеум, кафельную плитку. И обязательно хорошего качества.

Александр внимательно выслушал, затем медленно начал:

- Я недавно привозил стройматериалы, на трех комнатную квартиру, хозяину это обошлось в девять тысяч рублей! Денег у тебя хватит? Ходишь ты, как я вижу, пешком. Машины что нет что ли? - С легкой иронией спросил Александр.

- Машина мне пока не нужна. Была бы нужна - купил бы. У тебя тоже, сидения из крокодилий кожи, как я вижу, только на задние сиденья хватило, а на передние, что, не хватило денег, что ли? - ответил я в той же интонации как он.

Александр, слегка задетый, посмотрел на меня другим взглядом. Он промолчал и я продолжил:

- Что касается денег, я в них тебя ограничивать не буду, но ты окажешься в неловком положении, если меня попробуешь обмануть. Я повторю, мне нужен очень хороший строительный материал.

- Куда ехать? – Спросил Фарцовщик, явно взволнованный.

- Езжай, пока прямо!

Мы тронулись. Я молча показывал ему, где свернуть налево или направо. Я краем глаз наблюдал за ним, мне было важно, как он будет везти себя после моего предупреждения. Его реакция меня устраивала, он начал нервничать, но оговариваться не стал. Значит, я его предупрежу еще в более строгом тоне. Чтоб наверняка. Когда мы остановились около моего дома, Александр удивленно спросил:

- Это твой дом?

- Да, это мой дом, - ответил я.

- А где Соломон?

- Соломон живет теперь в Москве. А мне подарил этот дом.

Александр был сильно удивлен, переменами с этим домом. Он продолжал заваливать меня вопросами:

- Подарил? А кто он тебе?

- Не мне, моей жене. Родственник. – Сказал я и посмотрел в сторону дома, где находилась Маша.

- Часом не Маша тебе жена? Спросил Александр, немного смущаясь.

- Да! Маша, а ты ее, откуда знаешь? – в моем голосе послышалась угроза.

- Я начинал строительство этого дома. – Александр не спеша достал пачку «Мальборо» вытащил сигарету, прикурил и, выпустив струйку дыма, продолжил - Я доставал Соломону блоки для фундамента, плиты перекрытия, кирпич, доски. Но когда мы возвели дом под крышу, начались проблемы из-за строительных норм. Наши с тобой правители решили, что дом не должен превышать шестьдесят квадратных метров. У Соломона в Мценске было все схвачено, но приехали орловские депутаты, прокуратура, комитент партийного контроля. Честно сказать я думал, дом этот сровняют с землей, но надо отдать должное Соломону. Все решил один звонок из кремля, и они от нас отстали. Но продолжать строительство Соломон не стал. Почему не знаешь?

- Потому что он себе в Москве, построил замок! – ответил я.

- Ты видел?

- На новоселье, обещал пригласить? - Соврал я, даже не зная зачем.

- Слушай Андрюх, а отец Маши вернулся с войны?

- Вернулся!

Я вспомнил предостережение Марии Романовны, что общаясь с ним нужно держать ухо востро. И я планировал себе сделать ему строгое предупреждение, чтобы он не жульничал. Но наш разговор с ним перешел в дружеский доверительный тон. И грубить ему в этот момент не хотелось. Я решил с этим не тянуть, зашел в дом, взять деньги. Там за семейным столом сидела Маша с родителями. Их внешний вид был задумчивый, они о чем-то думали. Я обратился к Маше.

- Маша, принеси, пожалуйста, пять тысяч.

Она быстро встала, зашла в свою комнату и принесла мне пять тысяч. Я вышел, и протянул деньги Александру.

- Здесь пять тысяч, если меня дома нет, ты всегда можешь взять деньги у моего тестя он в курсе всего.

- Машину с грузчиками прислать, или сам разгрузишь? – спросил Фарцовщик, пряча деньги в карман.

- Пусть грузчики работают. – Разгружать машину с цементом и плиткой мне не хотелось.

- Десятку, им дашь?

- Дам! – ответил я, мне нравилось разговаривать с Александром, чувствовалась конкретика, в каждом его слове. – Саш, а строители когда приедут?

Фарцовщик стал серьезным, он виновато на меня посмотрел и, стесняясь, сказал:

- У меня строителей нет!

- Кто же мне, сделает ремонт?

- Соломон, строителями сам занимался!

- Ладно, разберусь. Спасибо тебе.

- Еще вопрос, насчет камина, у меня есть сосед, дедушка он уже работал тут, фронт работы видел. Будишь доделывать камин?

- Да конечно! – я оживился, мне очень хотелось камин.

- Если он не занят, то приедет с утра, ему внук помогает, так что помощь ему твоя не нужна. К сожалению это единственный кого я знаю, кто может делать ремонт.

Мы попрощались. Я смотрел как машина, ведомая Александром, уехала, пуская пыль по дороге. Я вернулся в дом, Маша с родителями сидела в таком же унылом виде. Я разулся, прошел в дом, сел за стол, осмотрел на их задумчивые лица и спросил:

- Что у вас тут случилось? Мне расскажите? – спросил я веселым тоном, чтобы поднять всем настроение.

Начал тесть, он смотрел на меня отцовским строгим взглядом. Я никогда не видел взгляда своего отца, но знал, он должен быть именно таким, строгим и любящим.

- Андрей сынок, извини, но если ты считаешь нас своими родственниками. То объясни, пожалуйста, откуда у тебя такие большие деньги.

Тесть, не моргая смотрел на меня все тем же любящим взглядом. Мне очень не хотелось его обманывать, но что я им скажу, если я сам не знаю, откуда у меня такая огромная сумма. Если я им скажу правду, что не помню, они мне просто не поверят, и решат, что я обманываю. Выходит надо врать!

- Андрюшенька, сынок, нам бы очень не хотелось начинать с тобою жизнь с обмана. Мы же понимаем, что в силу твоего возраста, ты не мог где-то заработать честным трудом эти деньжищи. Просто честно расскажи, где ты их взял. Если они тебе достались незаконно, то лучше избавиться от них. Просто сжечь их в печке, и начать жизнь с чистого листа. Лучше жить бедно, но честно.

Тесть и теща смотрели на меня, и в их взглядах я видел ожидание честного ответа. Маша смотрела на меня с любовью, ей было жалко меня, и она была готова расплакаться от жалости. Я тихо начал:

- В Москве есть такие люди, которые организуют бои без правил, за деньги. После армии я испытывал денежные трудности и решил испытать себя на этом опасном поприще. Армейская закалка и сила духа помогла мне дойти до финала, в последнем бою я должен был заработать большие деньги. Но получилось все, не так как я мечтал. В самом главном бою, они мне приказали лечь под соперника, отдав ему бой, и денежная сумма, ради которой я сражался, таяла на глазах. И только тут я понял, что меня используют. Но я не сдался. А вышел и победил. Я знал, что они не честные люди и захотят от меня избавиться. Но получилось так, что я от них смог убежать, да еще прихватил с собою весь куш, все деньги, что у них были. Теперь, скорее всего, они меня ищут, но я думаю, что здесь они меня не найдут.

- Ты их убил? – С тревогой в голосе спросила теща.

- Зачем тебе это знать, - вспыхнул тесть, на тещу - он сказал, что они хотели его обить, тебе, что ли не приходилось убивать людей.

- Это была война! – вспыхнула Александра Николаевна.

- Настолько ли они были виновны? Что их пришлось убивать! – задумчиво проанализировал Александр Сергеевич.

Я и Маша взглянули на Александру Николаевну. Она, почувствовав наше внимание, смущенно опустила глаза, словно пытаясь спрятаться за массивным столом который казался ей в этот момент единственной защитой от назойливых родных взглядов. Я смотрел на тещу, на эту хрупкую, и удивительно красивую женщину, в которой с первого взгляда сложно было заподозрить героиню военных лет. Ее мягкие черты лица, нежная улыбка и доброта, никак не вязались с образом воина, прошедшего через ужасы войны и лишений. Я пытался представить ее с автоматом в руках, стреляющей в противника, но воображение отказывалось рисовать эту картину. Передо мной была женщина, которая, несмотря на все испытания, сумела сохранить в себе доброту и нежность, ставшие ее главным оружием в мирной жизни.

Вечер незаметно подкрался, окутав пространство, мягким полумраком. Семейный разговор, наполненный теплом и искренностью, затянулся до самого заката. Мысли о предстоя-

щих, строительных работах и возможных задержках с материалами начали тревожить, когда вдруг издалека донесся знакомый гул двигателя. Сердце забилося чаще – неужели это они?

Я поспешил к двери, и, открыв ее, увидел, как на улице, словно спасительный маяк, остановился грузовик. Двое грузчиков, словно муравьи, начали методично переносить цемент, плитку и, наконец, те самые обои. Мы с Машей стали рассматривать обои, обсуждая каждый узор и оттенок. Импортные, чехословацкие, они казались настоящим произведением искусства, обещая нашему дому уют и гармонию.

После того как грузчики уехали, оставив за собой следы строительных материалов и предвкушение перемен, я почувствовал, как на душе воцаряется праздничное спокойствие. Дом, который еще недавно казался чужим, теперь наполняется уютом и надеждой. Но мысль о возвращении в общежитие, где тараканы стали постоянными спутниками не давала покоя. И я решил спросить у тестя раскладушку:

- Совершенно не хочется идти в общагу, нет ли у вас раскладушки?

Тесть развел руками, но выручила теща. Она зашла в спальню, и через минуту тащила из нее большую перину. Я поблагодарил тещу, принимая из ее рук перину, понес к себе в дом. Простыни, подушку и одеяло несла за мной Маша.

На втором этаже, я выбрал себе комнату. Это была комната с самым лучшим видом из окна. Окно выходило в сад. Мягкий свет заходящего солнца играл на листьях, создавая причудливые узоры теней на земле. Птицы, словно очарованные этим волшебным моментом, пели свои нежные песни, добавляя мелодию к общему хору природы. Этот сад был настоящим убежищем, где можно было забыть о суете мира и насладиться гармонией природы.

Маша вошла в комнату, неся в руках аккуратно сложенные постельные принадлежности. Она бережно расстелила простынь на перину, затем ловко надела наволочку на подушку. Еще немного и моя постель была готова.

- Ложись, спи. Я тебя утром разбужу.

Я почувствовал себя хозяином в доме, но мне не хватало чего-то важного. Хотелось, чтобы рядом была хозяйка. Медленно подойдя к Маше, я хотел обнять ее, но она, почувствовав мое намерение, быстро поцеловала меня в щеку и, смеясь, убежала, оставив меня одного в этом большом доме.

Я лег спать, ночь была удивительно прекрасной. Я даже не мог вспомнить, когда я так крепко спал. Утром я почувствовал, что меня кто-то целует. Открыв глаза, я увидел перед собой Машу. Она нежно целовала меня, и я не мог представить себе утро более лучшим, чем это.

Я быстро встал, умылся на улице из крана, и пошел завтракать. На столе уже был накрыт завтрак, и я быстро поел. Только я собрался уходить, как зазвонил телефон. Теща подошла и взяла трубку.

- Андрюша, это тебя, - сказала она, удивленно посмотрев на меня.

Я удивился и подошел к телефону. На другом конце провода я услышал знакомый голос Фарцовщика.

- Андрей ты посмотрел, что я тебе вечером привез?

- Привезли вечером, было уже темно.

- У меня на складе были прекрасные люстры из чешского стекла в спальни и хрустальная в зал она в самой большой коробке. Сразу тебе скажу, что она стоит пятьсот рублей. На кухню, в коридор в ванную, ну там разберешься, я приеду в понедельник. Все, давай пока, увидимся.

Я положил трубку. Настроение поднялось с самого утра.

Это звонил Саша Фарцовщик. Он, оказывается, вчера привез люстры, из чешского стекла в спальни. В зал хрустальную, говорит очень красивая. Мне не терпится посмотреть, но пора на работу.

Мы с Машей вместе вышли на работу. Стояло выйти на центральную улицу, как я заметил Калужского, шагающего своей характерной размашистой походкой. Он, как всегда шел в расстегнутой рубашке, выставляя на вид лохматую грудь. На лице сияла его неизменная улыбка. Мне нравился его веселый нрав, с ним всегда было весело, а главное он своим юмором никогда не переходил границу дозволенного.

- Он так, и зимой, в любой мороз ходит нараспашку. – Прошептала мне Маша.

Калужский подошел к нам, и как всегда начал с юмора:

- Маша, радость наша, как же без тебя на работе скучно!

- Дядь Саш, а откуда вы знаете, что меня вчера на работе не было? – спросила Маша, бросив на Калужского любопытный взгляд.

Он, остановившись, посмотрел на девушку приветливым взглядом и ответил:

- Маша, когда тебя в цехе нет, все вокруг замирает, весь коллектив ходит угрюмый, скучный. Ничего ни у кого не ладится, у всех все ломается. А когда ты в цеху, все преображаются, люди от уборщицы до начальника цеха ходят радостные, веселые словно ты приносишь с собой свет и радость. Ты же наш талисманчик, наша радость и вдохновение. Машенька я тебе скажу честно, ели бы не ты, то весь наш завод бы давно рухнул.

Калужский дружески обнял Машу и, глядя ей в глаза, добавил:

- Ты наше золото. Хорошо, что ты досталась в хорошие руки, теперь я за тебя не переживаю. Наш Андрей будет хорошим для тебя мужем. Я уверен, что с ним ты будешь счастлива.

- А ну, убери руки от нашей Маши! – послышалось сзади.

Мы обернулись. Нас догонял Степан Зюзин, и Виктор Борисов они шли в хорошем настроении Зюзин осторожно отодвинул меня, и обнял Машу с другой стороны. Теперь Маша шла в объятиях двух мужчин – Калужского и Зюзина. Она смущенно поглядывала на меня, и мне нравилось, что Машу уважают мои друзья, наверное, этих двое единственные кто мог вот так, обнять мою девушку, и во мне не проявлялась ревность.

- Так Машенька – начал торжественно Зюзин – скажи мне, тебя Андрей не обижает?

- Нет, не обижает, он хороший!

Маша если обидит, ты прямо к нам беги, мы его на товарищеский суд вызовем.

Все засмеялись, у нас было прекрасное настроение. Мы шли на работу в прекрасном, дружном коллективе. В таких местах царит атмосфера взаимопонимания и поддержки. Люди помогают друг другу, делятся опытом радостью. Работа в таком коллективе приносит не только удовлетворение от выполненной задачи, но и удовольствие от общения с коллегами.

Как только я вошел в раздевалку, сразу наткнулся на друга Толика. Он быстро заговорил:

- Андрюха! Сегодня мы вас ждем в гости. Помнишь бутылочку «Абсолют»? нужно обязательно ее выпить.

- Э-э-э - замялся я. – насчет гостей... Даже не знаю, что тебе сказать, Толик. У меня строительство начинается. Я же дом купил.

- Да брось! – отмахнулся Толик. - Когда ты успел купить дом? Ты один день не пошел на работу и уже купил дом?

- Да, вот за один день и купил дом. И теперь мне нужно сделать ремонт в доме. У тебя, кстати, нет знакомых бригад, кто ремонтом занимается.

- Хм, - задумался Толик – нет, но я спрошу у дяди, может, у него есть.

Толик задумался, он немного помолчал, и вдруг опять как будто проснулся, быстро заговорил:

- У нас в понедельник, первая зарплата. Нужно прописываться в коллективе. Меня уже замахали, говорят: «Когда, когда пропишешься»

- Блин, - пробормотал я. - Мне никто не говорил, что нужно прописываться. Но надо значит надо, от коллектива отбиваться не будем, предлагаю организовать общую пьянку.

Толик как появился неожиданно, так же пропал. Я переоделся в рабочую одежду, и пошел на свое рабочее место. Я вошел в цех, и знакомый запах плавящего металла обвалок меня. Каждый шаг, поэтому скользкому полу, каждый звук оборудования – все это стало частью моей жизни. Я шел по цеху, чувствуя себя как дома. Рабочие, занятые своим делом, приветливо кивали мне, и я отвечал им улыбкой. Казалось, что я работаю здесь много лет, настолько было все привычно и естественно. Мои шаги были уверенными, как у человека, который знает каждый уголок своего родного цеха. Я направился в слесарку, где как всегда кипела жизнь и обсуждались важные дела. Но сегодня, споры были громче, чем обычно. Я отошел в дальний угол, где у своего открытого шкафа стоял Калужский. Он не вступал в спор стоял в стороне, наблюдая за оживленно спорящим коллективом.

- Александр, о чем спор? – спросил я.

- Сегодня ровно месяц, как они договорились бросить курить – Калужский вздохнул и продолжил – и сейчас они должны решить совместно, как им быть дальше.

Наверное, у них приличный стаж курильщиков, и терпеть целый месяц это сложно! – мне стало жаль ребят, и рос интерес, чем это все может закончиться, я стал вслушиваться в разговор.

Мнение товарищей раздвоилось, кто кричал, что нужно заключить договор еще на месяц, другая половина напирала, что не хотят больше спорить. Мне стало очень интересно, чем это все закончится, те, кто голосовал, чтобы еще месяц не курить, наверное, почувствовали в себе силы окончательно бросить эту вредную привычку, но у самих силы воли не хватало. А этот спор давал большую мотивацию не начать курить. Другая половина состояла из заядлых курильщиков, не желала бросать, и таких как мне показалось было больше. Я понимал, как тяжело дался этот месяц без сигарет, и мое сердце наполнилось сочувствием к тем, кто сейчас решал, продолжать ли борьбу или сдаваться.

В слесарку важно вошел токарь с участка заточки. Лет ему было примерно около сорока, имел лицо, выражавшее неприязнь и высокомерие. Его взгляд был холодным и надменным, а в уголках губ таилась едва заметная презрительная усмешка. Он был одет в грязный, запачканный маслом комбинезон, который, казалось, подчеркивал его пренебрежение к окружающим.

Он демонстративно держал сигарету в зубах, явно привлекая к себе внимание. Те, кто спорил за право курить, с завистью и желанием смотрели на него. В их глазах вспыхнул огонь, но вопрос еще не был решен, спор продолжался. А этот токарь, как сразу было видно, делал это специально. Калужский не выдержал и обратился к нему с явной злобой:

- Токарь я тебе сейчас все зубы пересчитаю.

- А ну попробуй. – Процедил сквозь зубы токарь, не вынимая сигарету изо рта.

Я почувствовал, как в моем теле напрягается вся ненависть к этому человеку. Я громко крикнул:

- Попробовать тебе? Да легко!- и стал расталкивать окружающих, чтобы подойти к нему. Но когда я пробирався вперед, услышал как громко закрылась дверь. Токаря уже в слесарке не было. Я глубоко вздохнул и опять уселся на свое место.

Мне стало интересно, чем все закончится, я устроился на скамейке, и стал всл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.